

добродетели, чтобы воспитать его. Отсюда название — «Против Клавдиана» (иногда — «Против Руфина»), которое носит эта поэма, где александрийский стих не оставляет почти ничего от поэзии, разве что лохмотья классики, в которые без всякого стыда облачается. Произведение заполнено школярскими общими местами той эпохи, не исключая Нуса (VI, 8), по повелению Создателя разрабатывающего для Него идею этого совершенного человеческого духа, который предстоит сотворить*.

Заглавие «Плач природы» объясняется началом произведения, где Природа оплакивает преступления, совершенные против нее содомитами. Сочинение написано в жанре «*chantefable*», в котором перемежаются проза и стихи, как в «Утешении философией» Бэция. С литературной точки зрения оно ус-

тупает не только этому своему образцу, но даже трактату «О целостности мира» («*De mundi universitate*») Бернарда Сильвестра. Однако доминирующий в нем аллегорический образ Природы не лишен величия, и Алан нашел хорошие приемы, чтобы заставить ее говорить или говорить о ней. В этом сочинении выражено одно из самых глубоких и распространенных убеждений того времени. Такой, какой Природа предстает в «*De planctu naturae*», она великолепно воплощает плодovitость, благодаря которой быстро размножаются живые существа. Природа—источник жизни, причем не только ее причина, но и ее правило, ее закон, красота и цель. Однако не нужно чрезмерно восхищаться ее творениями, заботясь о том, чтобы не забывать о ее подчинении Богу. Безусловно, заслуга Алана в том, что этим аллегорическим образом, в чувственно воспринимаемой форме он выразил то, что могло бы быть названо «христианским натурализмом» XII столетия: острое чувство могущественной реальности, каковой является Природа, воспринимаемая как труженица Бога. Гордящаяся собой, когда она описывает свои дела, Природа становится смиренной, как только обращается к своему Творцу: «Его деяние просто, мое многообразно; его произведения прочны, мои распадаются; его творение восхитительно, мое изменчиво... Он творит, я сотворена; Он — работник, который сделал меня, я — изделие этого работника; Он творит из ничего, я выпрашиваю материю для моих дел; Он действует во имя Свое, я — во имя Его». Кстати, вот почему наука о природе, зависимой от Бога, должна признать юрисдикцию науки о Боге: «Для того чтобы узнать, насколько бессильно мое могущество перед лицом божественной науки... обратитесь к теологии, верность и вера которой имеют больше прав на ваше одобрение, чем убедительность моих доводов. Согласно тому, чему учит вера, человек обязан моей способности рождать, но больше — власти Бога возрождать». Теология и Природа мыслят подчас по-разному, но не

239

4. Алан Лилльский и Николай Амьенский

противоречат одна другой. Их подходы имеют как бы обратные направления: Природа идет от разума к вере, теология — от веры к разуму. «Я,— говорит Природа,— знаю, чтобы веровать, она верует, чтобы знать; я соглашаюсь, познавая, она знает, соглашаясь». Во всем этом не было ничего оригинального*. Подобные рассуждения имеют ценность как выражение духа той эпохи, когда не помышляли покуситься на возвышенную божественность природы, а прославляли ее, подчиняя, разумеется, мудрости Бога. То же самое можно сказать о космогонии, которую Алан облачает в литературные формы: подобно Демиургу из «Тимея», Природа трудится, не упуская из виду божественных Идей. Жан де Мен многое использует из трактата «Плач природы» в своем «Романе о Розе», и если не следует торопиться делать отсюда вывод о тождественности духа обоих